

Трудно найти более непохожие траектории судеб, чем у лётчика Маресьева (1916–2001) и поэта Заболоцкого (1903–1958). Но точка пересечения в их биографиях есть. Это город Комсомольск-на-Амуре, который строили оба – сталинский сокол и сталинский заключённый. Происходило это в эпоху, превращавшую одних в нержавеющей сверхлюдей, а других – в гвозди, по самые шляпки вбиваемые в фундамент новой – долгой и счастливой жизни.

Рождённый летать

Книгу о сбитом лётчике, сумевшем вернуться в строй с ампутированными ступнями, Борис Полевой назвал «Повестью о настоящем человеке». О подвиге Алексея Маресьева знал каждый житель СССР. Но мало кому было известно о том, где начинался его непростой путь в небо, и о первом подвиге, совершённом задолго до войны.

4 апреля 1942 года истребитель Маресьева был сбит в Новгородской области над территорией, занятой немцами. 18 суток лётчик пробыл

к линии фронта на повреждённых ногах – пешком, затем ползком. Ступни пришлось отнять, но пилот сделал почти невозможное – вернулся в небо. В 1943 году гвардии старшему лейтенанту Маресьеву, сбившему до ранения четыре вражеских самолёта, а после – ещё семь, присвоили звание Героя Советского Союза. С 1946 года он – в отставке: преподавал, защитил кандидатскую, работал в Комитете ветеранов. 18 мая 2001 года в Театре Российской армии начался вечер в честь 85-летия Маресьева. Торжество обернулось трауром: Алексей Петрович не пришёл. Воистину – где стол был яств...

Маресьев был не единственным в истории безногим лётчиком, но, безусловно, самым известным – благодаря книге Полевого 1946 года и вышедшему двумя годами позже фильму Александра Столпера с Павлом Кадочниковым в главной роли. В книге и фильме лётчик назван «Маресьевым» – в фамилии живого прототипа изменена одна буква. Известны и прообразы других персонажей. Так, друг Маресьева лётчик Дегтяренко – это старший лейтенант Андрей Дехтяренко, начинавший ещё с Халхин-Гола, а в Великую Отечественную командовавший эскадрильей. Именно он вывез Маресьева на самолёте У-2 с оккупированной территории; погиб в июле 1942 года, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Капитан Чеслов, в эскадрилью которого попадает Маресьев после выписки из госпиталя, – тоже реальное лицо: Александр Числов (1915–2009), лётчик-ас, Герой Советского Союза. Именно с Числовым Маресьев совершил первый после возвращения в строй боевой вылет. Фамилию маресьевского ведомого Петрова Полевой менять не стал.

Есть и отклонения. Так, у Полевого героя сбивают на «ишачке» – И-16, на деле Маресьев пилотировал Як-1. Маресьев со своим полком успешно «проделал боевую кампанию 1943–1945 годов», а Маресьев в 1944 году согласился стать инспектором-лётчиком и перешёл из строевого полка в управление вузов ВВС. Но все эти расхождения с реальностью не столь существенны, как другое обстоятельство: книга Полевого, начинающаяся с рокового апрельского дня 1942 года, – вторая серия. Была и первая – ненаписанная и неснятая.

...Маресьев родился в 1916 году в Камышине Саратовской губернии. После школы получил специальность токаря по металлу. Дважды подавал документы в лётное училище, но его не брали из-за слабого здоровья: в детстве Алексей перенёс тяжёлую форму малярии, получив ревматизм и проблемы с суставами. Решил поступать в Московский авиационный институт – всё-таки тоже самолёты. Но тут Камышинский райком комсомола направил его на строительство нового города – Комсомольска-на-Амуре. Алексей отказывался наотрез, готов был даже положить на стол комсомольский билет. «Когда перед отъездом я проходил медкомиссию, ко мне подошла женщина-врач и так по-матерински сказала: “Алёша, ты, конечно, можешь не ехать. Но знай: если ты одной ногой ступишь на ту землю, все твои болезни пройдут”. Я и подумал, что раз смогу выздороветь, то и лётчиком стану», – вспоминал Маресьев потом. Неведомая врач оказалась пророком.

Из воспоминаний лётчика: «Помню маленький пароход, доставивший нас... на амурский берег, истоптанный, заваленный чемоданами, узлами. На берегу толпились парни и девчата. Куда ни глянь, всюду молодые лица». Был 1934 год. Город на месте села Пермского, основанного русскими переселенцами в XIX веке, и нанайского стойбища

Дзёмги (так поныне зовут один из районов Комсомольска – Ленинский округ) заложили всего двумя годами ранее – 12 июня 1932 года.

Алексей валил лес, строил бараки. Потом его перевели на катер «Партизан» мотористом-дизелистом. «Мы знали, что надо работать, и работали. Мы знали, что на месте дремучей тайги должен быть построен город, и мы его строили. Мы знали, что в этой борьбе с природой и трудностями нельзя давать ни себе, ни товарищу ни малейшей поправки, и мы были требовательны к себе и к другим», – вспоминал он. Маресьев поставил себе цель: стать абсолютно здоровым. Работал как все – и ещё лучше. По утрам бегал, обтирался снегом... Одновременно учился на рабфаке. «Через некоторое время выяснилось, что я совершенно здоров», – вспоминал он, объясняя своё почти чудесное исцеление трудом и воздействием дальневосточного климата. Тут могут быть разные мнения, но факт есть факт: Алексей стал крепким парнем, готовым к любому труду и обороне. Не просто закалил тело – преодолел себя. Потом он сумеет это повторить – в том апрельском лесу. И ещё раз – освоив протезы и взлетев без ног.

Когда в Комсомольске учредили аэроклуб, Маресьев записался туда одним из первых, легко пройдя медкомиссию. В личном деле курсанта, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, имеется заявление Маресьева от 7 августа 1935 года. В нём Алексей просит зачислить его в аэроклуб, поскольку имеет «большое желание изучить самолёт и его вождение в воздухе». К заявлению приложена характеристика: «...К работе относится честно и аккуратно, замечаний и взысканий не имеет, имеет поощрения и благодарности за образцовую работу, является лучшим стахановцем, принимает активное участие в общественной, комсомольской работе».

Аэроклуб, правда, ещё предстояло построить – раскорчевать лётное поле, сколотить учебный барак, привести в порядок старенький самолёт... У Полевого Комсомольск упоминается лишь однажды – как раз в связи с этой стройкой: «Когда строители отдыхали после трудового дня, аэроклубовцы, возглавляемые Алексеем, смазав своё тело керосином, должны были отгонять комара и гнуса, выходили в тайгу... Они пилили, корчевали деревья, взрывали пни, ровняли землю, отвоёвывая у тайги пространство для аэродрома... С этого аэродрома Алексей и взмыл в первый раз в воздух на учебной машине, осуществив наконец заветную мечту детства». По опубликованным хабаровской газетой «Тихоокеанская звезда» сведениям краеведа, первостроителя Комсомольска-на-Амуре Ефима Дороднова, первый самостоятельный полёт Алексей совершил на пятилетие города – в июне 1937 года. 30 июня в газете «Сталинский Комсомольск» даже вышла заметка с его фотографией.

Комсомольск оказался важен для судьбы Маресьева вдвойне: здесь он исцелился и взмыл в небо. Уже того, что первый полёт Маресьев совершил именно в Комсомольске, достаточно для того, чтобы последний считался Аэроградом, как назвал свой фильм 1935 года о юном дальневосточном городе Александр Довженко. Комсомольск и поныне – аэроград: здесь делают боевые «сушки» и гражданские «суперджеты». Не Довженко ли с Маресьевым заложили в ДНК города небесную составляющую? А в 1967 году Комсомольск посетил Гагарин и вслед за Маресьевым стал его почётным гражданином (ещё один почётный комсомольчанин – родившийся здесь в 1939-м космонавт Валерий Рюмин). В Москве в Музее космонавтики выставлены

личные вещи Гагарина: звезда Героя, ручка, часы... – и значок «35 лет Комсомольску-на-Амуре».

В 1937 году Маресьева призвали в армию – в погранвойска НКВД. Служил на Сахалине авиатехником 12-го авиационного погранотряда. Сведений об этом периоде немного. Сам Маресьев рассказывал, что служил в селе Кировском (ныне входит в Тымовский городской округ) и не летал, а «заносил хвосты» у самолётов. Сын Виктор Маресьев говорил со ссылкой на рассказы отца, что тот ловил на Сахалине неких «японцев-перебежчиков». Южный Сахалин был тогда японским, вот вот ожидалась война. С 1937 до 1940 года советские лётчики помогали Китаю обороняться от японцев, в 1938-м вспыхнул конфликт с теми же японцами на самом юге Приморья – у озера Хасан, а в 1939-м настоящая война с танковыми и авиационными сражениями – прообраз скорой Великой Отечественной – случилась на Халхин-Голе.

С Сахалина Маресьева в 1938-м или в 1939 году направили в Батайскую авиационную школу пилотов имени Серова, которую он окончил в 1940 году, получив звание младшего лейтенанта, и как один из лучших курсантов был оставлен в школе инструктором. Там же, в Батайске Ростовской области, встретил войну. Но в Батайск школа, с которой ведёт свою историю Краснодарское высшее военное авиационное училище, была переведена только в октябре 1939 года. А создана она была в августе 1938 года в Чите как «30-я Военная школа пилотов». Читинские журналисты Ирина Трофимова и Анна Кулигина выяснили: Маресьев осваивал истребитель на читинском аэродроме «Черёмушки» («Чита-1»). Здесь ещё до революции базировались аэропланы-«этажерки» французского производства, а в 1920 году стоял Маньчжурский авиаотряд атамана Семёнова, на смену которому пришёл воздушный флот Дальневосточной республики, в 1922 году влившейся в РСФСР. Поле и сегодня в строю: отсюда «вертушки» Ми-8 вылетают на тушение лесных пожаров. Именно в Чите, недалеко от упомянутого Халхин-Гола, Маресьев в числе других курсантов первого набора стал военным лётчиком.

В 1973 году в этих же местах капитан Юрий Козловский повторил подвиг Маресьева. Он увёл неисправный самолёт Су-7 от Читы и катапультировался. Со сломанными ногами, без еды и тёплой одежды несколько дней полз по мёрзлой тайге. Ноги пришлось отнять, но пилот, подобно своему знаменитому предшественнику, не сдался: освоил управление воздушным шаром, летал на лёгком самолёте, прыгал с парашютом. Занимался общественной деятельностью (зампредседателя фонда «Московский ветеран»), встречался с Маресьевым.

В Комсомольске-на-Амуре, на Сахалине и в Чите Маресьев жил в 1934–1939 гг. – с 18 до 23 лет. Здесь он избавился от недугов, подобно богатырю Илье Муромцу. Здесь начал летать, став «настоящим человеком», и не раз потом подтверждал это звание – когда выжил в лесу, когда танцевал на протезах, когда убедил военную бюрократию в том, что сможет драться на истребителе Ла-5... Да и после войны он жил в режиме ежедневного подвига.

В книге Полевого роль Дальнего Востока в судьбе лётчика не проговаривается. Возможно, автор был и не в курсе всех нюансов его довоенной жизни. Но именно здесь Маресьев «сделал себя» – благодаря себе и самой этой земле, которая или убивает, или делает сильнее. Строил город на Амуре – построил себя. Достиг такой степени человеческой цельности, при которой целостность телесная уже не имела значения. Небо вновь стало доступной для него средой. У этого человека с не-

ограниченными возможностями не было ног – но были крылья. Рождённый летать не будет ползать; вернее, доползёт куда угодно, чтобы снова взмыть в небо.

«Что-то джеклондонское!» – думает в книге Полевого ползущий по лесу Мересьев, пытаясь взглянуть на себя со стороны. Очевидно, он вспоминает рассказ «Любовь к жизни» Джека Лондона, столько писавшего о Севере, суровых краях и стихиях, человеку на грани и за гранью... Столь похожий на лучших героев Лондона, Алексей и родился в тот самый год, когда Джек умер.

«В стране, где кедром светят метеоры...»

В 30-е Дальний Восток считался передним краем. Ожидание войны с Японией сопрягалось с бешеным по темпам строительством заводов, портов, укрепрайонов, городов. Сюда наперегонки стремились писатели: Фадеев, Гайдар, Фраерман, Диковский... Сергей Герасимов в 1938 году снял фильм «Комсомольск», Алексей Арбузов в 1940-м написал пьесу «Город на заре».

Был и другой поток – недобровольный. Осуждённый на пять лет Мандельштам, не дождавшись этапа на Колыму, умер на Владивостокской пересылке. Шаламов, Домбровский, Евгения Гинзбург до Колымы добрались – и вернулись оттуда. Нарбут не вернулся. Василий Ажаев попал на Дальний Восток под конвоем, освободился и на некоторое время здесь задержался. В его некогда знаменитом романе «Далеко от Москвы», получившем Сталинскую премию, описана стройка нефтепровода от Сахалина до Комсомольска. Правда, Комсомольск назван Новинском, Хабаровск – Рубежанском, а Сахалин – Тайсином.

Николай Заболоцкий принадлежал ко второму потоку. 35-летнего поэта арестовали в марте 1938 года в Ленинграде. Незадолго до этого критик Лесючевский разгромил в печати поэму Заболоцкого «Торжество земледелия», напечатанную в «Звезде» Николаем Тихоновым: «Заболоцкий юродствует, кривляется, пытаясь этим прикрыть свою истинную позицию... Это позиция человека, враждебного советскому быту, советским людям, ненавидящего их...» Показания на поэта дали арестованные литераторы Бенедикт Лившиц и Елена Тагер. Около восьми месяцев Заболоцкий провёл за решёткой, где, по его же словам, «начал постепенно терять ясность рассудка» и даже попал в тюремную больницу для умалишённых. Придя в себя и оказавшись в общей камере, он (за два года до того написавший «Горийскую симфонию») решил, что находится в руках фашистов, которые «под носом у нашей власти нашли способ уничтожить советских людей».

Наконец поэту объявили: решением ОСО он приговорён к пяти годам лагерей за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Вероятно, от более сурового приговора Заболоцкого спасло то, что он не признал себя виновным и отрицал существование контрреволюционной писательской организации, которую будто бы возглавлял Тихонов.

В ноябре этап тронулся из Ленинграда. Путь на Дальний Восток занял два с лишним месяца. В Комсомольск Заболоцкий попал в феврале 1939 года. Сначала работал в Восточном железнодорожном лагере – в посёлке Старт, около 40 километров от городской черты. Сообщил жене Кате адрес: «Г. Комсомольск-на-Амуре, Востлаг НКВД, 15 отделение, 2 колонна, мне». Попал на общие работы по прокладке дорог: валил

лес, дробил камень в карьере (Борис Слуцкий вспоминал, что Заболоцкий однажды обмолвился: был и землекопом, и каменщиком, и плотником, и прорабом)... Но пробыл на них недолго. Уже 14 апреля 1939 года писал жене: «Я работаю чертёжником, и мне положено вознаграждение 30 р. в месяц» – на сахар и махорку, мол, хватит. В чертёжники Заболоцкий попал потому, что ещё в реальном училище хорошо чертил и рисовал. О его лагерной работе позже появилось немало домыслов – говорили, например, что поэт ни много ни мало проектировал нефтепровод Оха – Комсомольск. На деле его роль чаще всего сводилась к функции ксерокса: «Мои обязанности заключаются в механической копировке чертежей... Благодарю судьбу за то, что в моих руках рейсфедер, а не лопата». Поэт писал, что работает «архитектурным чертёжником», а в минуты, остающиеся после 11-часовой работы, изучает техническую литературу, так что «некогда скучать и тосковать». И ещё: «Работа стала интереснее; я накопил опыт, и говорят, что из меня вышел бы неплохой архитектор».

В письме от 4 мая находим своеобразную рифму к Маресьеву: «После тюрьмы я поправился, т. к. воздух здесь лучше и кормлюсь тоже несравненно лучше». Ещё через год, в июне 1940-го, Заболоцкий напишет: «Я, к счастью, физически здоров... Мой организм оказался крепче, чем я сам предполагал». В письмах он старался ободрить жену и, скорее всего, приукрашивал картину. Тем более что сам постоянно просил прислать тёплых вещей, чеснока, лука, витамина С, жиров, сладкого. Но тут же сообщал, что сыт, а иногда даже покупает кетовую икру («Местный продукт – питательный и сравнительно дешёвый»).

30 сентября 1939 года Заболоцкий сообщил, что регулярно читает газеты: «Радуюсь успехам нашей страны, освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии». Позже, во время Великой Отечественной, он постоянно говорил о том, как ждёт победы СССР, – и не только потому, что это означало для него надежду на освобождение. В 1941-м поэт даже просился на фронт – отказали. Надеялся, что ему разрешат работать по специальности, педагогом, – тоже не разрешили. Зато на воле в это же самое время переиздавались переводы Заболоцкого – из Рабле, Руставели... В письмах жене он решал вопросы с гонорарами.

Письмо от 10 января 1940 года 8-летнему сыну Никите: «Здесь на севере ещё совсем недавно был один сплошной лес-тайга да стояли невысокие горы-сопки. Людей почти совсем не было. Одни дикие звери бродили кругом. Теперь в этот дикий и безлюдный край пришли люди: они строят города, заводы, рубят лес, сеют хлеб и добывают из земли полезные металлы. Скоро этот край будет удобным для жизни. Летом здесь очень интересно. На горах-сопках растут большие яркие цветы, вроде пионов... В воздухе летают жуки и мухи, каких у нас в Ленинграде нет...» В 1944 году, уже на Алтае, он будет вспоминать дальневосточную природу: «Это – особая страна, не похожая на наши места; мир, к которому надо привыкнуть... Во всей своей торжественной дикости и жестокости предстаёт здесь природа». Заболоцкий опишет лесные пожары, насекомых, цветы, паводки, звёзды, уживающийся с северной клюквой дикий виноград, вечную мерзлоту, непоющих птиц, величественный Амур...

Почтовый адрес поэта-арестанта не раз менялся, хотя сам он пока оставался на старом месте. Осенью 1940 года Заболоцкий сообщает, что наконец переехал со Старта в сам Комсомольск (п/я 99/к, Штабная колонна): «Условия жизни изменились. Живём теперь в тепле». Путь

до работы и обратно составлял 12 километров. Это было «отчасти даже и хорошо, т. к. это время проводим на свежем воздухе и в движении», но сократилось время отдыха, и поэт сильнее уставал. Зато теперь он работал «в настоящем большом каменном здании» с паровым отоплением и «некоторыми удобствами». Признавался: «Я так отвык за эти годы от настоящих домов, что вначале даже странно было видеть себя в обстановке городского дома. В бараке, где живём, удобства меньше, но зато тепло». В 2014 году – не без труда и не с первой попытки – в этом самом каменном здании по улице Вокзальной, 47 открыли мемориальную доску работы скульптора Надежды Ивлевой со странноватой надписью: «Выдающийся поэт... работал на объектах Нижнеамурского управления ИТЛ в г. Комсомольске-на-Амуре». Нет указания ни на связь Заболоцкого именно с этим зданием, ни на его статус заключённого, зато появились некие «объекты»...

В конце 1940 года Заболоцкому выпала срочная работа: «Исполняю обязанности и художника, и чертёжника, и кого хочешь». Речь идёт об оформлении лагерного клуба под началом вышеупомянутого Ажаева, уже вольнонаёмного. Обед в эти два месяца Заболоцкий получал из «вольной» столовой и писал жене: «Если бы ты знала, как это вкусно после двух лет лагерного питания». Вениамин Каверин вспоминал, что Заболоцкий рассказывал: Ажаев был «маленьким начальником», держался «средне» – не зверствовал, но и не потакал.

В Комсомольск в эти годы теми или иными путями попадали совершенно неожиданные люди. Например, в 1941–1942 гг. здесь работал диктором радио (скончался от последствий контузии, полученной при бомбардировке Москвы немцами) Ллойд Паттерсон – отец негритёнка Джима из знаменитого фильма «Цирк». Несколько позже сюда же попал осуждённый по политической статье Мирон Мержанов – «личный архитектор Сталина», строивший дачу вождя и Бочаров Ручей, рисовавший Золотые Звёзды Героев Советского Союза и Социалистического Труда. Здания для строящегося Комсомольска он проектировал ещё на воле, за решёткой занялся тем же самым.

В мае 1943 года Заболоцкого перевели в Сибирь – в село Михайловское Алтайского края, находящееся юго-западнее Барнаула, в Кулундинской степи. Здесь он попал на добычу озёрной соды – в отнюдь не курортную атмосферу (в 1958 году, незадолго до смерти в возрасте 55 лет, поэт писал: «Здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера»). Болел, лечился, снова попал в чертёжники. Пятилетний срок истёк весной, но Заболоцкому сказали, что он оставлен в лагере до конца войны. В августе 1944-го, однако, поэт был освобождён, в общей сложности пробыв в заключении шесть лет и пять месяцев. Хотя это, как он писал жене, было ещё «не совсем полное освобождение»: по директиве № 185 Заболоцкого оставили при лагере вольнонаёмным. Но зато уже в ноябре 1944 года к нему приехала жена с детьми.

Весной 1945 года Заболоцкий – в Караганде: работает в строительном управлении, завершает поэтическое переложение «Слова о полку Игореве». В начале 1946 года он вернётся в Москву, восстановится в Союзе писателей, Фадеев «пробьёт» его первую книгу. Но реабилитируют поэта только в 1963 году – посмертно.

В неволе Заболоцкий стихов почти не писал или почти ничего не сохранил. Тем не менее доктор филологических наук Вячеслав Муромский (сборник «Николай Заболоцкий и его литературное окружение».

СПб., 2003) констатирует: «Последствия пребывания Заболоцкого в ссылке для его творческой биографии неоднозначны: в физическом смысле она подорвала его здоровье и сократила ему жизнь, а в духовном – провела через такие испытания, которые заметно повлияли на мировосприятие поэта, видоизменили стилистику стиха, приблизив его к простым и ясным классическим формам».

К лагерным стихам Заболоцкого относят «Лесное озеро» (1938), «Соловья» (1939). Связанными с неволей считаются «Творцы дорог» (1947), где фигурируют экскаваторы, бикфордовы шнуры и аммонал, и «В тайге» (1947) об амурских лесорубах:

...Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь, неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простёр
Замурованный льдами Амур.

И далёко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке,
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоём городке...

Здесь же можно вспомнить «Возвращение с работы» (1954) и «Где-то в поле возле Магадана...» (заметим, что в Магадане и вообще в Колымском краю поэт не бывал) 1956 года о замерзающих стариках-зэках:

...Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звёзды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь её проникновенный
До людей уже не доходил...

Из «Творцов дорог»:

Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но всё, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедром светят метеоры,
Где молится берёзам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.
Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

Сам Заболоцкий незадолго до освобождения, в мае 1944 года, писал жене: «Ты пишешь – “жизнь прошла мимо”. Нет, это неверно! Для всего народа эти годы были очень тяжёлыми. Посмотри, сколько вокруг людей, потерявших своих близких, они не виноваты в этом. Мы с тобой тоже много пережили. Но мимо ли нас прошла эта жизнь? Когда ты

очнёшься, отдохнёшь, разберёшься в своих мыслях и чувствах, – ты поймёшь, что недаром прошли эти годы... Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чём не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми её радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю».

Успокаивал, утешал – её, себя? Может быть. И всё-таки...

Слущкий вспоминал, как Заболоцкий однажды ответил на вопрос о лагере: «И плохо было, и очень плохо, и очень даже хорошо».

Город неба и юности

Это раньше города росли как бы сами по себе, веками. Комсомольск возник сразу – как новый, образцовый, совершенный город. Первый коммунистический, воплощённая утопия, Город Юности, Аэроград. Расчерченный на вырост строго и в то же время свободно, как Петербург. С широченными проспектами, тротуарами, зелёными зонами. Придуманый, искусственный, расчётливо смонтированный, словно корабль или самолёт. Как алхимический сплав, не сводимый к сумме своих слагаемых, он сконструирован из советской мечты, нанайского стойбища, аэроклуба Маресьева и чертежей Заболоцкого. Его новые звёзды – родившиеся здесь чемпионы: лыжница Юлия Чепалова, гребец Иван Штыль...

В сотне километров ниже по Амуру в 1986 году методом всесоюзной комсомольской стройки был зачат последний советский город – Баневур, которому прочили роль центра химической промышленности. Но скоро всё закончилось – деньги, люди, планы... Закончился сам Советский Союз, и его последнее детище безжалостно абортировали. От Баневура осталось несколько коттеджей для строителей, в фундаменте одного из которых спрятана капсула с посланием комсомольцам 2017 года. Адресат выбыл – навечно.

Зато несколько лет назад в Приамурье родились космодром «Восточный» и город Циолковский – потомок Комсомольска и более везучий собрат Баневура.

В Комсомольске-на-Амуре живёт почти 250 тысяч человек – много по дальневосточным меркам. Он считается промышленным центром: авиа- и судостроительный заводы, НПЗ, металлургия, газопровод... В 1959–1993 гг. город был закрытым. В 1990-е получил неформальный статус криминальной столицы Дальнего Востока.

От Хабаровска сюда ходят тепловозы – железнодорожная ветка до сих пор не электрифицирована.

На амурском берегу – памятник первостроителям: пятеро бронзовых комсомольцев. Из-за того, что они вооружены кирками и лопатами, памятник прозвали «За червями».

Знаменитый «дом со шпилем», образец сталинского ампира, с лозунгом на фасаде: «Труд в СССР – дело чести, доблести и героизма».

Бывшее кафе «Чародейка», ныне банк, – место разборки, после которой лидер дальневосточной группировки «Обшак» Евгений Васин, он же Джем, попал за решётку, откуда уже не вышел.

Многие герои 90-х лежат на кладбище, которое в народе зовётся «Стартом», – из-за того самого посёлка Старт, пригорода Комсомольска. В этом названии, пожалуй, есть что-то религиозное.

«Мало создавать города – надо создавать людей», – писала забытая Вера Кетлинская в романе «Мужество» о строительстве Комсомольска-на-Амуре. С людьми теперь – сложнее всего. Тем более на Дальнем Востоке. Отсюда валом уезжают на запад: «А что тут ловить?»

...Чего не отнять у советской власти – придумать дело (даже так: Дело) она могла. Это теперь осталось бессмысленно торчать в офисе у компьютера либо столь же бессмысленно охранять этот офис в угрожающей униформе.

Мечта не всегда выживает в столкновении с реальностью, да и с самой человеческой природой, но это не означает, что нужно перестать мечтать.

Лётчик Алексей провёл в Комсомольске около трёх лет, поэт Николай – около четырёх. Они строили город, а сама эта территория изменяла и строила их.

Маресьев и Заболоцкий никогда не встречались друг с другом, но они навсегда связаны дальневосточным городом, в истории которого, как и в биографиях его знаменитых строителей, отразился весь русский XX век с его зигзагами и штопорами, провалами и взлётами, – этим непостижимым высшим пилотажем судьбы.